

Сементковский Р. И. **Встречи и столкновения. И. А. Гончаров** // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников / Отв. ред. Н. К. Пиксанов. -- Л.: Художеств. лит. Ленингр. отд-ние, 1969. - С. 81--85. -- (Серия литературных мемуаров).

<http://feb-web.ru/feb/gonchar/critics/gvs/gvs-081-.htm>

Р. И. Сементковский

ВСТРЕЧИ И СТОЛКНОВЕНИЯ

И. А. ГОНЧАРОВ

У моего опекуна¹ были три сестры: Екатерина, Елизавета и Мария, из них вторая, по мужу Жуковская, была матерью известного в свое время поэта, Александра Кирилловича Жуковского, писавшего под псевдонимом Бернет (о поэзии его Белинский выразился, что она "благоухает ароматным цветом прекрасной внутренней жизни")², а первая была бабкой Ивана Ивановича Льховского, в качестве переводчика совершившего вместе с Гончаровым кругосветное плавание на фрегате "Паллада"³ и напечатывавшего свои путевые впечатления в том же "Морском сборнике" (1861 и 1862 годы)⁴.

Вот в доме этого Ивана Ивановича Льховского и его матери, вдовевшей уже тогда, я и встречал Гончарова. Они занимали казенную квартиру (Льховский управлял тогда типографией морского ведомства) в здании Адмиралтейства. Вход в квартиру Льховских был со стороны Зимнего дворца. Надо было открыть две тяжелые двери, выйти на затененную двумя стенами набережную засыпанной теперь уже канавки (нынешний Черноморский переулок), перейти мостик и открыть третью дверь, которая вела в квартиру Льховских. Здесь почти всегда царил таинственный полумрак, в самой квартире было много причудливых вещей, вывезенных Льховским с Дальнего Востока; сам хозяин, черный, высокий, худой, ходил дома в каком-то длиннополом одеянии, не то в халате, не то кимоно, и все это, понятно, сильно действовало на воображение шестнадцатилетнего гимназиста, каким я был тогда. Льховский редко удостоивал меня сколько-нибудь продолжительной беседы, но я не был в претензии, потому, во-первых, что он мне казался уж чересчур серьезным, а во-вторых, еще и потому, что за его пренебрежение с лихвой меня вознаграждала его мать, Елизавета Тимофеевна. Она меня почему-то сразу полюбила и не только охотно беседовала со мною, но и угощала меня на славу. Мне старуха также очень полюбилась, и я охотно бывал у нее по воскресным и праздничным дням (с нее я списал мать героя моей повести "Леонтина").

Кроме меня, по воскресным и праздничным дням к Льховским иногда заходил и Гончаров. Он был тогда членом Главного управления по делам печати и редактором "Северной почты", -- мужчина лет пятидесяти, небольшого роста, с пробритым подбородком, с начинавшими уже сидеть густыми усами, бакенбардами и волосами, тщательно приглаженными. Костюм сидел на нем мешковато, но все было опрятно, только помню (я сам любил тогда пощеголять), что половинки воротника рубашки были постоянно у него плохо пригнаны и как-то беспорядочно расходились. Я успел уже прочесть "Обломова" очень внимательно, без ума влюбился в Ольгу, и меня занимал вопрос, который так сильно занимал впоследствии критиков, -- не изобразил ли Гончаров в лице Обломова самого себя? Поэтому я с большим любопытством его разглядывал, даже изучал. И я сразу пришел к отрицательному ответу. Конечно, герой Ольги не мог быть таким молодым, как я, -- в такого Ольга не могла влюбиться, но и к такому старику, как Гончаров, она не могла, конечно, вспылать страстью, и, стараясь отдать себе в этом отчет, я внимательнейшим образом присматривался и к его костюму, и к его манерам, и к его лицу. И тут-то меня кое-что смущало. Я невольно любовался его тонким, правильным, благородным носом, а главное -- его глазами, умными, вдумчивыми и в то же время такими печальными, что самому вдруг грустно станет. В эти глаза Ольга, без сомнения, могла влюбиться и, пожалуй -- помню, меня эта мысль самого тогда сильно поразила, -- забыть об остальном. Мне так и хотелось подойти к Гончарову и сказать ему что-нибудь теплое, доброе, хорошее, чтобы он не был таким грустным и чтобы он не дошел до того, до чего дошел Обломов... Да, я Ольга понимал!

Гончарову надо было, чтобы пройти в кабинет к Льховскому, миновать небольшую гостиную, в которой я обыкновенно заседал с Елизаветой Тимофеевной. Он считал долгом вежливости обменяться с нею несколькими словами, причем на ее приглашение сесть неизменно отвечал вопросом:

-- А Иван Иванович дома?

Тот всегда оказывался дома, и Гончаров, отвесив почтительный поклон Елизавете Тимофеевне и дружелюбно кивнув мне, направлялся в кабинет к Ивану Ивановичу.

Что там происходило, или, точнее говоря, о чем там беседовали бывшие товарищи по кругосветному плаванью, я не знаю, но помню, когда дверь отворялась, чтобы пропустить горничную, приносящую Гончарову стакан сельтерской воды с вареньем, тщательно приготовленный самою старушкой, до меня доносились разные дальневосточные названия, свидетельствовавшие о том, что собеседники все еще предаются воспоминаниям о своем путешествии, о котором вообще часто